



Иван Пряшка

Я упал, но смог подняться

18+

Иван Петрович Пряшка

Я упал, но смог подняться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38268072

SelfPub; 2018

Аннотация

Я, Пряшка Иван Петрович, после двух книг стихотворных произведений предлагаю Вашему вниманию рассказ, прочитав который, я надеюсь, Вы не разочаруетесь. Рассказ о человеке, волею судьбы или человеческого фактора, попавшему в разные жизненные ситуации. Он борется с судьбой и побеждает. В книге рассказывается о доброте души, о любви, о дружбе, о людях, которые готовы в любую секунду протянуть руку помощи. В этом рассказе Вы найдёте то, что в нашей повседневной жизни не так часто встречается. Прочитав эту книгу, Вы убедитесь, что мир не без добрых людей.

Я ехал на своём автомобиле медленно и наблюдал за ним. Медленно, потому что впереди меня ехала фура, причём с грузом, а на этом участке обгон был запрещён. Он стоял перед указателем "Кишинёв-11". Это означало, что до столицы оставалось одиннадцать километров. Из-за небольшой скорости успел заметить, как мужчина, глубоко вздохнув, зашагал дальше – в сторону Кишинёва. Был конец июля, время два часа, после полудня стояла невыносимая жара, поэтому можно было понять его вздох. В жару ходить, сами знаете. На вид ему было лет шестьдесят. Сгорбленный, обросший, небритый, в грязной одежде, рваных туфлях... ну бомж бомжом. Хотя, какое я имею право так его называть. И потом, кто знает, сколько он уже времени находится в пути. Ведь о нём я ничего не знаю, а внешний вид ни о чём не говорит. Идёт себе человек, а бомж он или нет моё какое дело, бомж ведь тоже человек. Я не знаю, кто он такой и почему в таком виде оказался здесь – недалеко от столицы. Поэтому и увидел то, что увидел. Кто он такой, как зовут, откуда он идёт – всего этого я не знал. Документы его не смотрел (какое моё дело), если они у него были. Но не проехал и ста метров, как почувствовал, что у меня спустило колесо. Включив правый поворот, свернул на обочину. Выключил зажигание и вышел из машины. Так и есть, правое переднее. Ну что, оставалось только менять, ибо запасное колесо находилось в багажнике в специально отведённом месте. Пока открыл багажник, вытащил домкрат, ключи, запаску, мужчина оказался возле мо-

его авто. Остановился, прикурил окурок, посмотрел на меня, поздоровался и спросил:

– Вижу у вас проблемы, помощь не нужна?

Теперь я видел его близко. Мне показалось, что голос не соответствует его возрасту.

– Вы не волнуйтесь, я просто помогу, деньги просить не буду.

– Как ты, дед, можешь мне помочь в твои-то годы? Нет, спасибо, я уж как-нибудь сам.

Краем рта улыбнувшись, он меня удивил:

– Это я кажусь вам старым, так сказать, на первый взгляд. И вовсе не дед я, недавно только сорок шесть исполнилось. Понимаю, выгляжу старше, да и вид у меня неважный.

Как сорок шесть? Или он мне лапшу на уши вешает, или у меня со зрением не в порядке. Ну ладно, пусть помогает, если хочет:

– Ну хорошо, если есть желание, помогай.

– Нет, Вы отойдите в сторонку, я всё сделаю сам.

Я смотрел на мужика со стороны. За работу взялся он энергично. Бросил окурок, ключами ослабил гайки, потом схватил домкрат. Короче, работал как профессионал, видно в своё время занимался ремонтом машин или работал в автосервисе, а может и водителем, короче, был с техникой знаком. Он поймал мой взгляд и, кажется, догадался, о чём я думаю:

– Я двадцать лет работал водителем, а раньше этих авто-

сервисов не было, поэтому приходилось ремонтировать своими руками. А потом, чтобы заменить колесо не обязательно быть профессионалом.

Больше вопросов я ему не задавал, да и он, видно, неразговорчивым был. Через десять минут колесо было заменено. Убрал инструменты, а проколотое колесо положил на место запаски. Поблагодарив его, я вытащил из кармана двадцать лей (молдавская валюта) и протянул ему. Брать деньги он наотрез отказался:

– Что вы, что вы, я же сказал, что просто помогаю и деньги брать не буду.

Даже если этот человек бомж или кто он там на самом деле, я проникся уважением к этому человеку. Вот ведь простой мужик и, подозреваю, небогатый, а от денег отказывается. Среди богатых таких сейчас редко встретишь. Как я его ни уговаривал, ни за что:

– Хорошо, хорошо, всё-таки я думаю, что каждый труд должен быть оплачен. Хочешь возразить?

Вглядываясь в его глаза, всё-таки подумал, что деньги не помешали бы этому мужику, поэтому своей рукой положил деньги в карман его рубашки.

– И никаких возражений. Знаешь, говорят: дают – бери, бьют – беги.

В этот раз он не сопротивлялся, а просто сказал:

– Вы правильно сказали, каждый труд должен быть оплачен, – и после некоторой паузы, – до свидания и всех вам

благ.

Мужчина ещё раз посмотрел на мою машину, погладил её, как бы прощаясь с ней, и двинулся дальше. Смотрел ему вслед и думал. Дал бы ещё денег, но кто знает, на что их потратит. Пропьёт, скорее всего, хотя на алкаша вроде не смахивает. Интересно, откуда и куда он идёт. Сел в машину и, когда поравнялся с ним, спросил:

– Скажи, мил человек, откуда и куда путь держишь, если не секрет, конечно?

– Ну какой же это секрет? Из города Бельцы иду я в Кишинёв. Хочу посмотреть, как живёт столица.

– Ну, тогда садись, я тоже туда еду.

Он ответил, не задумываясь, как будто ждал этого вопроса и приготовил ответ заранее:

– Нет-нет, спасибо, Вы видите в какой я одежде, и, потом, спешить мне некуда, там меня никто не ждёт. Я уж своим ходом, мне спешить некуда. А город никуда не денется, так что ещё раз спасибо вам за заботу, не беспокойтесь, счастливого вам пути.

Жалко стало мужика. Смотрю, вроде не потерянный. Кто знает, что случилось в его жизни, и почему он оказался здесь, недалеко от Кишинёва. Я ехал в своей машине, но почему-то скверно стало на душе. Наверное, лучше бы не встретил на своём пути. Ну дал ему двадцать лей. А что такое двадцать лей сегодня? Буханка хлеба и бутылка воды. Конечно, если у него совсем денег нет, это хоть что-то, и всё же этого мало.

Ничего, в городе разберётся со своими проблемами. Может, он сам виноват в том, что с ним случилось. Говорят же: человек сам хозяин своей судьбы. А кстати, с чего я взял, что с ним что-то случилось. Ладно, едем дальше, и да поможет ему Бог.

В это время мужчина присмотрел возле трассы местечко и сел на траву отдохнуть. С самого утра на ногах, а сейчас уже около трёх часов. И жара невыносимая, градусов за тридцать, как пить дать. Достал ещё окуроч, закурил, задумался. Послушаем:

– Два месяца жил в Бельцах (город на севере Молдовы), если это можно назвать жизнью. Конечно, с голоду не умер, но лучше бы умер, чем такая жизнь. Разве это жизнь... хотя живут же... некоторые. А я ведь тоже из их числа. Питался тем, что находил в мусорных контейнерах. Там всегда найдёшь кусок хлеба, а к нему ещё кое-что. Конечно, противно, но постепенно привыкаешь к этой пище, жить-то хочется, голод ведь не тётка. Спал, где спали мне подобные: то под кустами, то на чердаках, то в подвалах, пока не выгоняли жильцы, короче, человек второго сорта. Сейчас решил поменять место жительства.

Посмотрим, как живёт столица. Бывал я там и раньше, но это было в другой жизни. Не думаю, что увижу что-то новое, мусор он и в Африке мусор. Надо обязательно найти другую одежду, эта уже ни на что не годится. Эх, воду бы найти сейчас, освежиться. Может в городе повезёт, лезвие найду,

пусть и не новое, не мешало бы побриться. Ну что, вставай, Иван, и в путь, в городе отдохнёшь. В первом же магазине куплю батон хлеба и бутылку воды. Сейчас я богатый человек, у меня двадцать лей в кармане.

Иван – он сам только что представился – встал и не спеша продолжил свой путь. Когда поднялся во весь рост, то увидел недалеко от себя телёнка, смотрящего на него:

– Что, не нравлюсь? Да я сам себе, брат, не нравлюсь. Или я на твоей территории? Извини, уйду уже. Хорошо тебе, за тобой вечером придут, заберут домой, накормят, будешь спать в тепле, а я даже не знаю, что меня ждёт в ближайшем будущем. Где буду спать и что буду есть. Так что, по сравнению со мной, ты, брат, счастливчик. Что поделаешь, у каждого своя судьба, как говорится, кто на что учился.

Итак, Иван встал и продолжил свой путь.

Назад я не смотрел. То, что прожил до сих пор – всё в прошлом, я смотрел только вперёд, где меня ждала неизвестность. Чужой город, незнакомые люди, всё не своё, только воздух и солнце общие. Дни и ночи, они тоже мои. Мои дни и ночи. Что ждёт меня в пункте Б? Там, наверное, хорошо, там президент, там парламент, который заботится о благосостоянии народа, чтоб люди жили хорошо. Вот президент обеспечит меня и жильём, и работой. Возьми себя, Иван, в руки, ты, наверное, перегрелся на солнце. Что за дурные мысли лезут в твою голову? Мне бы добраться до города, а там на месте разберёмся.

Минут через двадцать увидел в стороне от дороги небольшое озеро. «Вот где я умоюсь, освежусь», – подумал он и свернул с дороги. Ещё через полчаса он опять вышел на дорогу. Идти, вроде, стало легче. Впереди метрах в ста появилась автозаправка. Но не заправка интересовала Ивана, а магазин, который находился рядом с заправкой. Он ускорил шаг. Продавщица, увидев его, сразу же предупредила:

– Так, руками ничего не трогать, если что надо сама дам. У тебя деньги-то есть?

– Мне бы батон хлеба и бутылку воды купить, вот этих денег хватит? – я показал продавщице купюру.

Через пять минут я уже выходил из магазина и продолжил свой путь, на ходу откусывая хлеб и запивая водой. Солнце было ещё высоко, но уже чувствовалось приближение вечера. Мне, конечно, стало легче идти, но всё равно чувствовал себя уставшим. Ничего, пока стемнеет, буду в городе. Переночую где-нибудь, отдохну после трёх дней скитаний. А завтра будет день, будет пища. Не буду ничего планировать заранее.

И вот, наконец, через два часа вошёл в город. Вернее это был ещё не сам город, а всего лишь пригород. Многоэтажные дома виднелись чуть дальше, а пока я шёл мимо газетных киосков, маленьких торговых лавок. Кое-где появились автобусные остановки, где останавливались маршрутки, автобусы, троллейбусы. Из них выходили люди, другие занимали их место. Они были заняты своими делами, каждый решал

свои вопросы. Один я ничего не решал. Шёл себе по тротуару, выискивая место приличное, где можно было бы присесть. Войдя во двор первой попавшейся пятиэтажки, заметил детскую площадку, а там скамейку. На ней и приземлился. Вот и всё, я в столице.

– Простите, не скажете который час? – спросил женщину в возрасте, скорее всего бабушка девочки, которая рылась в песочнице с маленькой лопаткой.

Девочке было года два, не больше, а женщине не менее шестидесяти, поэтому я и решил, что это должна быть бабушка. Женщина посмотрела на меня подозрительно, выражая взглядом отвращение ко мне (оно и понятно), но всё же глянула на часы:

– Половина девятого.

– Спасибо.

– Вот на этой скамейке и заночую, но не сейчас, – решил я.

На улице ещё светло и народу много ходит. Кто-то спешит в магазин, чтобы успеть до закрытия, кто-то выгуливает своих собак, кошек. Надо уйти куда-нибудь, а когда стемнеет вернуться. Ночью народу мало, народ тоже отдыхает, за исключением единиц. Хоть и уставшим был, всё-таки встал и решил пройтись не важно куда. До наступления темноты часа два ещё, а буду на одном месте сидеть, привлеку внимание. Вон бабка уже косо смотрит на меня. Направление выбрал случайное, мне было всё равно куда идти. Как ни странно, ноги привели меня на автовокзал. К девяти часам вечера

здесь уже было мало автобусов и микроавтобусов, соответственно и народу было мало. Задерживаться долго здесь я не намеревался. Дело в том, что на вокзал приезжали и уезжали люди из разных концов Молдовы, и не хотелось бы встретить кого-нибудь из односельчан, стыдился своей внешности. И тут увидел – недалеко речка протекала.

Вот на берегу и будем дожидаться темноты, подальше от людских глаз. Эх, Кишинёв, Кишинёв, ну чем ты лучше Бельцы (в известном смысле, конечно)? Как питался там из мусорных баков, так и здесь придётся искать себе еду. Ну а что делать, хочется ещё пожить, умереть я всегда успею. Только не такой жизнью жить, это не жизнь, надо взять себя в руки. Неужели ничего не изменится в моей жизни (к лучшему, конечно), неужели мне суждено до конца дней моих такую жизнь прожить? Нужно бороться, искать выход из положения. Ничего, мы ещё поборемся. Не может быть, чтобы не было выхода из ситуации, в которой оказался я. У каждого человека в жизни есть чёрные полосы. Ведь у дня есть ночь, у солнца есть луна, а чёрное должно быть рядом с белым. Наверное, в жизни без этого нельзя. Но, опять же, эту чёрную полосу сам себе начертил, и только я в этом виноват. Боюсь быть узанным односельчанами. Да кто меня в таком виде узнает? Иногда кажется, если посмотрю на себя в зеркало, сам себя не узнаю. Но речь не обо мне, я-то знаю что я – это я. Вот так, со своими думами, под тихий шум воды заснул. Ничего удивительного, ведь уставшим был. Но, кажет-

ся, спал я недолго. Разбудили меня собаки, которые пришли на водопой и наделали шуму. Я смотрел на них, они, увидев меня, тоже посмотрели в мою сторону, как бы решая, что со мной делать, ведь их было больше. Напившись воды, минут через пять они ушли, оставив меня одного. Видно я не представлял для них интерес, или не хотели пачкать свои лапы об меня. Ладно, пора, темнеет уже, пока дойду, будет совсем темно. На детской площадке никого не было, и скамейка была свободна. Лёг и моментально уснул.

Только вот не знаю, сколько спал, а разбудили меня. Открыл глаза. В темноте и спросонья не сразу сообразил, где я и что со мной. А когда глаза привыкли к темноте, увидел перед собой женщину:

– Ты чего здесь разлёгся? Не видишь, это детская площадка, а не гостиница? А ну-ка давай отсюда, а то милицию сейчас вызову.

Я вежливо извинился и собрался уходить. Ещё раз посмотрел на женщину. Красивая, примерно моего возраста, в голубом платье, чёрные волосы и, вообще, баба первый класс. Но не для меня, во всяком случае, не в данный момент:

– Я хотел только переночевать до утра. А утром уйду, мне просто некуда идти – ни знакомых, ни друзей. Но раз нельзя, так нельзя.

И я пошёл... в темноту. Вернулся к месту своей (думаю непостоянной) прописки к речке. Надеюсь, отсюда никто не

выгонит. Сразу же лёг на голую землю и моментально уснул, усталость всё-таки дала о себе знать. А потом, что ещё оставалось делать? Отдохнуть, чтобы набраться сил для завтрашнего дня. Здесь уже никто не тревожил.

Проснулся, когда солнце было уже высоко. По моим наблюдениям время было в пределах одиннадцати часов. Я выспался, правда, голоден, но это дело поправимо. Привёл себя в более-менее приличный вид и вышел к людям. Народу на улицах было много. Все куда-то спешили, каждый решал свои проблемы, прямо как в муравейнике. И машин много на дорогах. Ну и я вклинился в эту суматоху. У меня стояла задача найти что-нибудь покушать. Мой организм такой же, как у всех, он нуждается в калориях. В этом смысле я тоже человек. В остальном бомж, а бомжи – это люди второго сорта, если не третьего, короче, брак. Но у бомжа есть одно значительное преимущество – он предоставлен самому себе. Если люди выполняют какую-то работу, бомж не работает. Если люди ходят в магазин за продуктами, бомж туда не ходит, у него нет денег, а продукты он берёт бесплатно, копаясь в мусорных контейнерах. Так поступил и я, выходя на тротуар. А начал со знакомой уже мне пятиэтажки. Ведь рядом с каждым жилым домом должны стоять контейнеры, куда народ выносит мусор. Подробности не буду рассказывать, скажу лишь, что через час сытый я присел на бордюр, закурил и задумался о планах на остаток дня. Решил посвятить его поискам одежды. Ту, что была на мне, надо было выбросить,

она уже не годилась ни на что. И я подумал, что одежду легче всего найти возле студенческих общежитий, возле больниц, на вещевых рынках, ну и в тех же мусорных контейнерах. Решил начать с Республиканской больницы, ибо сейчас находился на её территории, а недалеко должно находиться и студенческое общежитие. Найдём. Ну вот, остаток дня я и провёл в поисках одежды ну и по ходу еды. Не поверите, даже половину бутылки водки нашёл. Нет-нет, я не алкаш, но кто откажется от такого подарка. И потом, живя среди бомжей без этого нельзя, иначе в компанию не примут, засмеют. А в этой среде без коллектива тяжело, без них ты волк-одиночка. Да, к разговору, что-то мало их сегодня в городе. Выходной у них сегодня что ли? Да нет, выходных у бомжей не бывает. Ладно, я ведь только первый день в городе, ещё найду друзей по несчастью. А на сегодня всё, хватит, идём отдыхать, тем более что приближался вечер. Кое-какая закуска есть, водка есть, что ещё надо человеку, предоставленному самому себе, ни от кого не зависящему? Будем ужинать и готовиться ко сну. Я пришёл к своему месту на берегу речки, где ночевал прошлой ночью. Разложил на траву содержимое пакета. Сделал пару глотков прямо из горла, закурил. Закурил (окурков у меня был полный карман). Переоделся в новую одежду. На старую одежду лёг. Спать ещё не хотелось, да и рано было ложиться. Я просто лежал и думал... о своей жизни. Сколько это может продолжаться? Неужели, остаток жизни мне суждено вот так прожить? Спать на улице под от-

крытым небом хуже собаки. У той хоть будка есть. Я имею в виду домашних собак, а не бездомных. А ведь у меня тоже была, когда-то собака – домашняя, а, значит, был и дом, который он сторожил. Дом, в котором я жил со своей супругой. У меня была семья, именно была. Э-эх, как мы жили, если бы вы знали, как мы друг друга любили.

Женился я в двадцать лет. Оба мы были с одного села, знали друг друга с малых лет, учились в одной школе. Правда, она была на два года моложе, но я дождался, когда моя будущая жена окончит школу, и осенью сыграли свадьбу. Мы очень любили друг друга. Мы были самой счастливой парой на свете. Через год Аннушка (так звали мою любимую жену) обрадовала меня новостью, сказав, что она беременна. Нашей радости не было границ. Мы мечтали о детях и очень хотели их. С той минуты, когда я узнал, что у нас будет ребёнок, запретил Аннушке заниматься домашними делами, кроме кухни, готовить я не умел. Остальное всё делал сам: стирал, убирал – короче, все хлопоты по хозяйству я взял на себя. Всё шло хорошо. Но, как в жизни часто бывает, беда приходит именно тогда, когда её не ждёшь. Аня была на четвёртом месяце, когда случилась беда. Я был на работе, когда позвонили. Сказали, что моя жена находится в Бельцах, в больнице. А жили мы в восьми километрах от города Бельцы. Если она в городе, значит, случилось что-то серьёзное. В селе у нас был только медпункт. Сосед отвёз её на машине. У меня тоже была машина, поэтому через час я находился уже

в госпитале. Аня лежала в какой-то палате, но меня к ней не пустили. Сказали, что она только что уснула, и ей нужен покой. Посоветовали прийти на другой день, но не гарантировали встречу. Спросил медсестру, как она себя чувствует, но та лишь повела плечами, мол, она ничего не знает или не хотела рассказать. Я сначала было решил, что буду здесь ночевать в машине, но потом вернулся всё-таки в село. Надо было узнать, что же всё-таки случилось. Приехав домой, пошёл сразу же к соседу. Он мне и рассказал, что случилось:

– Она стояла у калитки и разговаривала с моей женой. Я тоже подошёл. Поговорили минут двадцать. Потом Аня сказала, что хочет подкрепиться, покушать и ушла на огород. Ушли и мы с женой. Но минут через десять услышал крик. Сердце подсказало, что что-то случилось. Я побежал к тебе на огород. Там и нашёл её, лежащую на земле. Стонала, не могла двигаться, шепнула лишь, что очень болит спина. Я окликнул свою жену, и мы вместе отнесли Аню к моей машине. Ну и отвёз её в город. Всю дорогу плакала, жаловалась на боль в пояснице. В госпитале передал Аню из рук в руки врачам и только потом вернулся домой. Вот и всё.

Потом спросил:

– Ты сейчас оттуда?

– Да, – ответил я.

– Ну и как, легче ей?

– Не знаю, меня к ней не пустили, велели завтра приходить.

– Ничего, Ваня, не переживай, может ничего серьёзного не случилось и всё будет хорошо, – сосед решил успокоить меня.

Знал бы мой сосед тогда, как он ошибался. На следующий день в шесть утра я был уже в госпитале. Дежурный врач ничем меня не обрадовал. Он сказал просто, без медицинских терминов:

– Упала на спину, сильно повреждена поясница, а это центральная нервная система. Головой сильно ударилась. Надо операцию делать, возможно, в лучшем случае, остаток жизни ваша жена проведёт в инвалидном кресле. На операцию нужны деньги, много денег. Дорогостоящие лекарства нужны будут.

Я стоял, как вкопанный и смотрел... в пустоту. Но длилось это недолго, так как заметил, что врач собирается уходить, а мне надо было с ним поговорить:

– Напишите мне список лекарств, а деньги я найду.

Он положил руку мне на плечо:

– Не сейчас, готовьте деньги, я скажу, когда понадобятся.

Денег, которые мы копили, не хватило, и я взял кредит в банке. Был ещё автомобиль, но держал на чёрный день, надо будет, и его продам. Главное для меня было, чтоб моя Аннушка осталась жива. Пусть инвалид, но рядом со мной. Буду ухаживать за ней, как за маленьким ребёнком, я ведь очень любил её.

Операция длилась около десяти часов, вызывали даже ка-

кого-то профессора из Одессы. К вечеру вышел знакомый уже мне врач из операционной, посмотрел грустными глазами:

– Ничего утешительного сообщить не могу. Будет и не будет жить.

– Не понял, это как, что это значит? – спросил я, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– В таких случаях говорят – живой труп. Ходить она не сможет, разговаривать тоже, руки очень слабы и постоянные адские боли в районе поясницы. Чтобы облегчить ей боли нужны лекарства, я говорил, дорогие лекарства, пойдёмте в кабинет, я напишу список.

Произошло то, чего я больше всего боялся:

– Ничего, доктор, для меня главное, что она осталась жива.

Не знал я, что ждёт меня в будущем, но тогда об этом не думал. На четвёртый день после операции забрал жену домой. Должен сказать, что родственников в селе у нас не было. Родители наши умерли, и Анины и мои, хоть и не совсем старые были. Был у меня двоюродный брат, но он находился в России на заработках, а родных братьев и сестёр не имелось. Мы были единственными детьми у своих родителей. Итак, пришлось внести коррективы в нашу семейную жизнь. Мне пришлось смириться со своим положением. Теперь на мои плечи легли и мужские, и женские обязанности. Нет-нет, я не жалею, просто тот, кто прошёл через это, знает, что

это значит. Ну а тем, кто с этим не сталкивался, и не нужно знать. Первое время было очень тяжело, спасибо соседям, они очень много помогали. С работы уволился, нужно было постоянно находиться рядом с супругой. Сейчас, спустя годы, удивляюсь, как я со всем этим справился. Готовить я не умел (правда, быстро научился), кормил жену сам. А ведь кроме жены на мне был ещё огород и всё остальное хозяйство. Думаю, сельские меня поймут, в селе работа никогда не кончается, там хоть двадцать пять часов в сутки работай.

Но у меня была моя Аннушка, моя любимая жена, я был не один и с этим жил. Вы любили когда-нибудь по-настоящему? Не надо ничего говорить, так как я вы никогда не любили. Чтобы понять, что я пережил, через всё это надо пройти, но не дай вам Бог. В один прекрасный день, проверив карманы, обнаружил – деньги на исходе. Но я не унывал и никому не жаловался. А кому жаловаться? Кому сегодня нужны твои проблемы? Сейчас всем приходится нелегко. Придут, посидят, посочувствуют, вздохнут и уйдут решать свои проблемы. Когда выдавались свободные минуты, я садился перед Аней, рассказывал ей анекдоты (а это, говорят, получается у меня неплохо), разные весёлые истории, пытался её хоть как-то развеселить, взбодрить что ли. Правда, она мне отвечала улыбкой, краем губ, но видел я, что ей не до веселья. Меня это убивало. Я понимал, что ей больно, и она мучается, но я не знал, чем ещё можно было облегчить её боли, её мучения. Молодая, красивая, была бы она сейчас здорова,

взял бы на руки и без музыки кружил бы вместе с ней с утра до вечера без перерыва. Но я смотрел на неё и лишь глазами разговаривал с ней. Мне даже казалось, что она меня понимает. А что ещё оставалось? Наверное, такова наша судьба, быть вместе и вместе мучиться. Среди тех, кто приходил к нам бывали и такие, которые советовали:

– Брось её, не мучайся, твоя жизнь проходит, ты ещё молод, тебе ещё жить да жить.

Что мог ответить я этим людям? Как мог оставить я её одну, беспомощную, когда она нуждается во мне? И как я буду жить после этого? Как я буду с этим жить, почему так поступил? Нет и ещё раз нет, те, кто сможет с этим жить, Бог им судья. А я так не могу, у меня и в мыслях не было думать об этом. Думаю, Аня сама понимала, что мне тяжело, и может сама бы выгнала, если бы могла говорить. Но она слишком хорошо знала меня и была уверена, что я её не оставлю никогда.

Так прошло два года. Жизнь шла своим чередом. Я уже привык к своему образу жизни, настроил себя на то, что всё так и должно быть. И вот однажды, день был воскресный, около девяти часов утра я говорю Ане:

– Я сейчас в магазин и обратно. Куплю кое-какие продукты и вернусь (она уже научилась читать по губам), приготовлю что-нибудь и покормлю. Не скучай, хорошо?

Она только улыбнулась мне в ответ. Странно улыбнулась, не так как всегда. Грустной какой-то улыбкой, если такое

выражение можно использовать в данном случае. Но мне и в голову не могло прийти подумать даже о чём-то плохом, ведь два года прошло с тех пор, как она стала инвалидом. Улыбнулась и хорошо, мне больше ничего и не нужно. Сейчас вернусь, приготовлю завтрак, накормлю и будем отдыхать, сегодня воскресенье. И как назло (закон подлости) задержался в магазине, продавщица опаздывала. Короче, не было меня около получаса. Когда я вернулся и открыл калитку, Аня сидела в кресле, а голова наклонена на бок. Я подумал, что она спит. Ну, думаю, пусть поспит, разбужу, когда завтрак будет готов. Но когда подошёл поближе, у меня потемнело в глазах. А когда открыл их шире, увидел ужасную картину. Левая рука, которую я не сразу увидел, когда входил во двор, была в крови. А потом в правой руке увидел лезвие и лужу крови рядом с ней на земле. Я опоздал, она была мертва, потеряла много крови. Не поверите, не заплакал, просто я её понял. Она и так слишком долго боролась сама с собой, со своей болезнью. А может меня пожалела. Через три дня похоронил я свою любимую супругу и остался один на белом свете. Вру... не один, а с кучей долгов. Я не знал, что мне дальше делать, как жить, где взять деньги, чтобы оплатить долги. Знал, что многие молдаване едут на заработки в Россию. Решил тоже поехать, другого выхода из создавшегося положения не видел. Проблема была в том, что если я не оплачу кредит в банке, у меня отберут дом, и я останусь на улице (впоследствии так и случилось). Через год

узнал, что дом всё-таки отобрали. Я так и не оплатил кредит. Возвращаться было некуда, да и не к кому, поэтому остался в Москве. Думал ненадолго, а вернулся домой... через четырнадцать лет. Денег немножко заработал, поэтому снял комнату в Бельцах. Купил подержанную машину (деньги надо было экономить), даже на работу устроился. Водителем маршрутки. Так прошло ещё восемь лет. Все эти годы жил один (я имею в виду женщин). Прошло более двадцати лет, а я всё не мог забыть свою Аннушку, единственную и неповторимую. Конечно, мне нравились женщины (я ведь тоже человек), но передо мной всегда возникал образ жены. Жизнь шла своим чередом, годы уходили, и я всё чаще стал задумываться о смысле жизни. Для кого живу и работаю, жизнь проходит, а у меня ни семьи, ни детей. Вот с этими мыслями и стал по вечерам пить, подружился с бутылкой. Я сдавал свои позиции. Если раньше и не думал о водке, то в последнее время без бутылки домой не приходил. Дома никто не ждал (и ругать некому), выпьешь пару сотен, расслабляешься, на время забываешь обо всём на свете. Никаких проблем. И если первое время одной бутылки хватало на два-три вечера, то чем дальше, тем хуже. А когда понял, что такая жизнь до добра не доведёт, то было уже поздно, я не мог уже остановиться. На работе стали замечать во мне перемены. И вот год уже не работаю. Уволили, вернее, выгнали, сказали, алкоголики им не нужны. А кому, скажите, нужны алкоголики? Даже собаки пьяных обходят стороной. Вы ви-

дели когда-нибудь, чтобы собака покусала пьяного человека? Меня, например, пьяного ещё ни разу не кусали. Короче, пока деньги были, хозяйка терпела, а когда деньги закончились, и нечем было платить за комнату, попросила освободить помещение. И вот, с пакетом в руке, в котором находилась бутылка водки и кое-какая закуска, я оказался на улице. Одежду, которая осталась в квартире, попросил хозяйку подержать пока у себя. Я остановился в центре города, там парк есть, довольно большой, можно сказать даже слишком для такого города как Бельцы. Нашёл местечко, подальше от людских глаз, где можно было посидеть и даже остаться на ночь. Вот с этого момента и началась моя уличная жизнь, я стал БОМЖОМ. На следующий день проснулся, голова трещит, даже не сразу сообразил, где нахожусь. Опохмелился так, что к вечеру опять был готов. Мелочь в кармане ещё была. Помню дня четыре пил, пока не пропил последнюю копейку. За эти четыре дня обзавёлся новыми друзьями. Хочу сказать, что среди них встречались толковые ребята. Но, этих людей тоже водка погубила. Лучше бы не родился тот, кто её изобрёл. С другой стороны, если подумать, он тоже не виноват. Человек сам хозяин своей судьбы, он сам создаёт себе проблемы, сам же их и решает, и не надо никого винить. Так считаю я. И однажды утром сказал всё, хватит, больше ни грамма. Посмотрел на себя со стороны, хуже уже некуда было. Кем я был, и кем я стал?

Сам себя не узнавал, лицо опухшее, мятая и уже грязная

одежда. Да что я вам рассказываю, наверняка в своей жизни вы видели бомжей. И плюс ко всему этому, в кармане свистел ветер, ни гроша. Некоторое время жил в Бельцах, собирал металл (алюминий, медь). Вырученных денег хватало лишь на питание. Одежду менял, когда находил на мусоре приличнее той, что на мне была. Но, так как я уже не пил, во мне проснулась совесть. Недалеко от города находилось моё село и меня видели односельчане, которые приезжали в город за покупками. Поэтому я решил покинуть этот город и перебраться в Кишинёв. И вот я в столице. Проснулся утром следующего дня. Итак, одежду более-менее нашёл. Теперь если бы ещё бритвенный станок найти, пусть и одноразовый, б-у, побриться бы. Найдём, кто ищет, тот всегда находит. Вот тогда можно было бы выйти в люди. Ну да ладно, пока так походим. Мало что ли сейчас мужиков с бородами ходят. Надо ещё определиться с квартирой. Не буду же я здесь жить на берегу речки. Конечно, летом можно и на улице спать, а где прятаться от дождя? А ведь скоро осень, а там и зима. Обязательно нужно найти тёплое местечко. Решено, иду в народ, заодно и позавтракаю, чем Бог пошлёт, и буду искать квартиру с удобствами. Завтрак я нашёл быстро, с этим проблем не было, и даже половину пачки сигарет. Конечно, одновременно искал и металл. Целый день блуждал по городу, а когда стемнело, не пошёл спать, а продолжал ходить между домами. В первом часу ночи прилёг на скамейку на территории Республиканской больницы и про-

спал там до шести часов утра. Вернее, меня разбудили голоса. Город просыпался. Народ стал приходить в больницу, к родственникам, кого-то привозили на лечение, кто-то приходил забирать кого-то домой. Набирал обороты новый день. Встал и я. Пошёл к речке приводить себя в порядок. Вот так, или примерно так, день за днём прошёл месяц. Сегодня четвёртое сентября. В сентябре днём ещё тепло, а вот по ночам уже довольно прохладно. Целый день ходил по городу, а когда стемнело, присел отдохнуть во дворе пятиэтажного дома. Сегодня днём я заметил, что двери одного из полуподвальных помещений приоткрыты и на них нет замка.

Она стояла и смотрела в окно с задумчивым лицом и грустными глазами. Её жизнь не удалась. Замуж она вышла по любви, но смерть забрала у неё любимого, его убили бандиты. Потом те же бандиты отобрали у неё бизнес. Несколько лет она жила на сбережения. Замуж так и не вышла. Не потому что у неё не было поклонников, были, тем более что она была красива, и душой и телом. Но она не могла забыть своего мужа, она его очень любила. Но прошли годы (а время, как известно, лечит), ей уже перевалило за сорок. Теперь она и рада была бы встретить какого-нибудь мужчину, пусть даже старше лет на пять-шесть. И не обязательно богатого, но и не за бомжа же замуж выходить. Тогда уж лучше в одиночку доживать свой век. Конечно, без мужика тяжело, но что поделывать, не пойдёшь же за первого встречного.

Вот, например, сейчас столько мусора накопилось, мешков двадцать наберётся, был бы мужчина в доме, он бы решил проблему. И надо было затеять этот ремонт. И деньги на исходе, а даром кто согласится выносить мусор. Она глубоко вздохнула. На глазах появились слёзы, женщина плакала. Её можно понять, у всех её подруг мужа, они дружат семьями, ходят в гости друг к другу, растят детей. Нет, её тоже приглашают, но она вежливо всем отказывает, ссылаясь то на занятость, то на недомогание. Ну что там одной делать. Женщина постояла у окна ещё минут пять, потом выпила чашку чая и пошла в комнату. Включила телевизор, уткнулась лицом в подушку. Плечи затряслись, женщина снова заплакала.

Конечно, за день его могли и закрыть, но мне нужно было удостовериться. Замка не было. Около двенадцати часов, оглядываясь по сторонам, прячась от посторонних глаз, спустился в подвал. Было темно, ничего не было видно. Зажёл зажигалку. Голые грязные стены, на полу вода. Но здесь было тепло, а это большой плюс. Я пошёл дальше по коридору. Слева и справа увидел маленькие помещения, подобие комнат, но без дверей. И чем дальше вглубь шёл, тем чище были эти комнаты. И пол был сухой, воды не было. Сюда бы картону постелить и на неё какие-то старые вещи, и можно жить. Рай, да и только. Вот если бы ещё жильцы не нашли, выгонят ведь, да ещё и милицию вызовут. Ну, милиции я не боюсь, они с нами не хотят возиться, с грязными,

пьяными. Теперь надо будет больше металла собрать на питание, зимой на свалке еда холодная, чаще даже замороженная, поэтому надо иметь деньги в кармане. Ладно, это потом, а пока будем устраиваться на ночлег. Вроде никто не видел, как я сюда вошёл (надеюсь), почему бы сегодня не ночевать здесь. Решено. А с утра за работу. Завершая проверку подвала (последних двух комнат), я нашёл в одной из них доски в углу. На них и лёг, но сон не шёл. Я лежал и думал. Вспомнил годы молодые, свою Аннушку, которую безумно любил, когда ложились спать, обнявшись, ну и конечно занимались любовью. Эх, жаль, мало прожили мы вместе, но те годы были самыми счастливыми в нашей жизни. Не помню, в каком месте оборвались мои воспоминания, когда уснул, но когда проснулся, солнце было уже высоко. На улице уже были слышны голоса людей. Ну и как теперь выйти отсюда незамеченным? А то точно скандала не избежать. Но и не сидеть же здесь целый день. Я подошёл к входной двери, осторожно выглянул на улицу. И, как назло (что такое не везёт и с чем его едят), передо мной оказалась женщина. Только её мне не хватало. Какой чёрт тебя сюда принёс именно в эту минуту? И началось:

– Ты что здесь делаешь, бомж, кто тебе разрешил сюда входить и что ты там делал?

Я посмотрел на неё. Лет ей было около сорока-сорока трёх, не больше, и красива, чёрт бы меня дери. Эх, завёл бы я с тобой разговор, да только не захочешь ты со мной разго-

варивать, во всяком случае, не сейчас, когда я в таком виде.

– Вы не волнуйтесь, я только переночевал, ничего плохого не сделал, можете проверить. Просто я вчера (приврал, конечно) пришёл в Кишинёв, было поздно, а спать негде, вот и решил в подвале. Увидел, замок отсутствует на дверях, а в городе ни знакомых, ни друзей. Вы не волнуйтесь, уже ухожу.

Она стояла передо мной на ступеньках и, увидев, что я собираюсь уходить, отошла в сторонку, боясь испачкаться о мою одежду. И когда я находился метрах в пяти от неё, она спросила:

– Ты как в столице оказался? И откуда?

– Это длинная история, – только и ответил я, но всё же остановился.

Не помню, когда последний раз разговаривал с женщиной. Она ещё несколько мгновений смотрела на меня, видно что-то обдумывая, потом сказала:

– Послушай, хочешь заработать?

Я удивился. С какой стати она предлагает мне работу.

– Хочу, – я обрадовался возможности заработать немного денег.

– Тогда приходи сюда вечером, часам к девяти, надо вынести из моей квартиры строительный мусор, получишь двести леев. Ну, что скажешь, или мне искать кого-то другого?

– Не надо никого искать, я приду, я всё сделаю, – ни секунды не задумываясь, ответил я.

Если даже всю ночь придётся работать, такие деньги в моём положении целое состояние. Это же сколько дней металл надо собирать, чтобы заработать двести леев. Правильно говорят, что ни делается – всё к лучшему. Не увидела бы она меня, выходящим из подвала, не дала бы работу, искала бы других.

– Ну, тогда подожди меня здесь. Стой и никуда не уходи.

Сказала и ушла. Хорошо, можно и подождать, я никуда не спешу, моё время не ограничено. Примерно минут двадцать я прождал, пока она появилась. В её руках я увидел два пакета. Когда женщина остановилась рядом со мной, один пакет протянула мне. Не спрашивая, что там, я взял пакет, поблагодарив, и ушёл в противоположную той, откуда она пришла сторону.

Настроение испортилось. Стыдно стало, поверьте. Дожил, подачки подают. Я догадывался, что там еда. А с другой стороны, ничего страшного не произошло. Ну, просто решила женщина купить немножко еды бомжу или незнакомому человеку. Ведь есть ещё люди, желающие помочь другим. И, потом, вечером, наверное, высчитает. Да нет, она ведь не уверена, приду я вечером выносить мусор или нет. Скорее всего, она решила проверить, есть у меня совесть или нет. Я вышел со двора на тротуар и пошёл по направлению речки. В пакете находилось то, о чём я и подумал, еда. Батон хлеба, бутылка молока, граммов двести колбасы, пачка печенья. Целое состояние, хватит на целый день. Смотрел я на

эту еду, ком в горле встал. Вот ведь, незнакомая женщина, совсем мне чужая, так же как и я для неё, не пожалела денег. Да, есть ещё добрые люди на свете. Надо обязательно вечером сходить, отработать. Пусть знает, что у нас тоже есть совесть. И от ста леев отказаться. Вот если бы она разрешила бы ещё и душ у неё принять, я бы и от остальных денег отказался. Да ещё бы и бритвенный станок нашёлся бы. Да откуда у одинокой женщины бритвенный станок. Одна она, был бы муж, не наняла бы меня мусор выносить. Ну да, размечтался ты, Иван, вот так прямо устроит она тебе и душ, и тапочки подаст, и ещё уложит спать на ночь. Как же, жди. Кому ты нужен? Ладно. Я плотно покушал. Остаток дня я пролежал до вечера на траве. А когда начало вечереть, поднялся и вышел к людям. Нужно было узнать у кого-то сколько времени. Была половина девятого. Я пришёл к дому, сел на скамейку. Наверное, она увидит меня в окно и подойдёт. Я же не знаю, где её квартира. На детской площадке дети играли, бегали, смеялись. Взрослые стояли в стороне и наблюдали за малышняй. Смотрел я на них, и такая тоска взяла. Закурил. Так и не довелось мне стать отцом, гулять вот так с сынишкой или с дочуркой, без разницы, детей я очень любил, не важно, какого пола. Но, не судьба.

Я ждал довольно долго, как мне показалось. Взрослые со своими детьми давно ушли, на площадке было пусто. Стемнело. Наконец-то она вышла и подошла ко мне:

– Ты, наверное, думал, что я уже не приду?

– Да нет, просто я не знал, что мне делать. Мне надо ещё присмотреть место для ночлега, в подвал вы же не пустите.

– Да ладно тебе, обиделся уже. Пойдём, покажу, что надо сделать.

Она повернулась и пошла, я за ней. Вошли, поднялись на третий этаж. Лифта не было.

– Таскать придётся по лестнице, – подумал я.

Мы вошли в квартиру, и женщина сразу же направилась в ту комнату, где находился мусор. Я насчитал около двадцати мешков. По десять леев за мешок. Ничего, нормально. Вниз спускаться с грузом легче, чем таскать наверх. Остальные комнаты я не видел, но коридор был идеально чист. Видна была женская рука. Краем глаза ещё я заметил, что мужской обуви и одежды не было. Можно было предположить, что мужа у неё действительно нет. И в командировке его нет, не мог же он всю одежду с собой взять. И всё же, даже без мужика видно было, что живёт женщина неплохо. Потом, это лишь предположение, ничего я о ней не знаю. А оно мне надо.

– Вот, вынесешь мешки, и я заплачу, как договорились. Что скажешь, нормально или мало?

– Я про цену ничего вам не говорил, сколько дадите, столько и возьму, я не обижусь.

– Вот и ладно. Знаешь, куда надо нести?

– Найдём.

А что если я дам ему кое-что из вещей мужа, всё равно ими никто не пользуется, только место занимают. Может разрешить, пусть душ примет, если захочет. Может он сам не хочет выглядеть по-другому. Ладно, пусть закончит работу, а там посмотрим. И чего это я раздобрилась. Увидела, мужика, бомж есть бомж, эту категорию людей не исправить. Ты ещё чаем угости его, Марина, и ночлег предложи. Фу. А работы, я смотрю, не боится.

Со своей работой я справился за полтора часа. Мешки, которые были тяжелее, носил по одному, а которые легче, сразу по два. Долго потому, что место, куда я их носил, находилось далеко. Может поэтому женщина и решила, что работа стоит столько денег. Ну всё, работа сделана, пора расчёт получить. Теперь дело за хозяйкой.

Я стоял в дверях и ждал. Она вышла из комнаты и подошла ко мне. В правой руке, я заметил, она держала деньги:

– Вот, возьми, как договорились, заработал, – сказала она и через несколько мгновений продолжила, – а я смотрела, как ты хватаешь мешки, и мне почему-то кажется, что ты не такой уж старый, как кажется на первый взгляд.

– А сколько вы думаете мне лет?

– Не знаю, но выглядишь под шестьдесят.

– Много, недавно сорок шесть исполнилось.

– Да ладно, – она улыбнулась, потом, как бы очнувшись ото сна, спросила уже без улыбки, – как сорок шесть? Лапшу

мне на уши вешаешь? Ты что, на два года старше меня?

– Выглядите моложе, вы красивая очень.

– Спасибо за комплимент.

Я постоял несколько секунд, ожидая продолжения разговора, потом сказал:

– Ну всё, мне пора, спасибо за деньги, счастливо оставаться.

Когда я уже собрался открывать дверь, неожиданно услышал за спиной:

– Послушай, может, чаю горячего выпьешь или кофе? Всё равно тебе спешить некуда. Что скажешь?

Я сначала растерялся, потом обрадовался не только продолжению общения, но и возможности посидеть и выпить кофейку.

– Как мне – незнакомому человеку, да ещё в таком виде, вы предлагаете чай или кофе? Нет, я не против, но...

– Пошли, пошли на кухню, – прервала она меня.

Ничего не понимаю, чего она задумала. С чего это вдруг она решила угостить меня чаем? Заплатила за работу, ну и скатертью дорожка. Ладно, посидим, почему бы не посидеть. Я проследовал за хозяйкой на кухню. Сел на свободный стул без приглашения. Женщина заняла место у плиты, стоя спиной ко мне.

Ох, подойти бы сейчас сзади, прикоснуться к ней, обнять. Я уже и не помню, какое оно на ощупь, женское тело. Ну-ну, Ваня, сиди и не рыпайся. Много чести тебе. Пей, давай,

свой чай или кофе и уматывая отсюда подобру-поздорову. Размечтался. Не твоего размера шуба.

– Послушай, пока я что-нибудь приготовлю, может, расскажешь свою историю, что произошло в твоей жизни, ведь не всегда же ты был таким. Как дожил до такой жизни? Водка, наверное, будь она неладна?

Уколола, больно, издевательски. Хотя чего обижаться, отчасти она права.

– А есть ли смысл рассказывать, всё равно ведь не поверите? – вопросом на вопрос ответил я.

Она повернулась ко мне, посмотрела так, как будто решала мою судьбу, потом всё же продолжила:

– И всё же расскажи, и время пройдёт, и, как знать, может и поверю. Но сначала скажи-ка мне, как тебя зовут?

– Иваном меня зовут. Ну, тогда и вы назовите своё имя.

– Ну а я Марина. И не выкай.

– Марина, а могу я вас... тебя попросить об одном одолжении, если можно, конечно. Я бы душ принял, пока ты здесь занята у плиты.

– Давно не мылся? – спросила она, не оборачиваясь.

– Ну знаешь, одно дело купаться в озере, другое дело душ, горячая вода, мыло, шампунь. Я заплачу, у меня теперь деньги есть.

Марина посмотрела на меня снизу вверх, потом выключила плиту, ещё раз посмотрела каким-то грустным взглядом:

– Сейчас, подожди немножко, – сказала она и ушла в свою

комнату.

Немного времени прошло, и она вернулась. В руках у неё были какие-то тряпки:

– Вот, здесь тебе чистое бельё, а свою одежду положишь в пакет и выбросишь, когда будешь уходить. И вот тебе лезвие, побрейся. Давай, иди и выходи оттуда молодым.

У меня опять ком в горле встал, но я не мог понять почему: то ли я пожалел самого себя, то ли обрадовался тому, что скоро я приму настоящий душ, как человек, а не как бомж. И всё благодаря этой незнакомой женщине. Как я ей был благодарен, знали бы вы. Одежду чистую дала, разрешила помыться. Интересно, чья это одежда? А впрочем, какое моё дело? Не буду спрашивать, скорее всего, бывшего мужа.

– Остальное найдёшь там, иди уже, чего задумался, – прервала она мои мысли.

– Да как-то неудобно, понимаешь, никак не могу поверить, что всё это происходит со мной.

– Давай, иди, а то сейчас передумаю.

Я поспешил в душ, а то действительно сейчас передумает. Разделся, грязную одежду положил в пакет и залез в ванну. Меня никто не торопил, я чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Смывал грязь с себя целый час. Ещё и побрился. Посмотрел на себя в зеркало. Вот это уже другое дело, на меня смотрел совсем другой человек.

А ты ещё ничего, Иван.

И когда я уже готов был выйти, в дверь постучали:

– Эй, ты там не заснул? Всё уже остыло, придётся ещё раз разогреть.

– Да-да, хозяйка, уже выхожу.

Я ещё раз посмотрел на себя в зеркало, взял пакет с грязной одеждой, открыл дверь и вышел... в свет. Марина стояла спиной ко мне и не слышала, когда я вышел. Около минуты она ещё стояла спиной ко мне, а когда, наконец, почувствовала, что я стою за спиной, посмотрела и сразу села... на стул. Казалось, что она не в себе. Просто сидела, молчала и смотрела на меня.

О, Боже, какой мужчина! Этот бомж ещё даже очень ничего. А выглядел-то на все шестьдесят. Вот что значит следить за собой. Говорят, встречают по одежде, провожают по уму. Ну, ума я ему не дам, если у него его нет, а вот одежда на нём смотрится. В таком виде с ним можно и чайку попить. А может не выгонять его, пусть сегодня поспит здесь в свободной комнате. Конечно же, только сегодня, не навсегда же, только на одну ночь. А мужик смотрится, правда только снаружи. Что же это я делаю, на ночь пускаю в квартиру чужого человека, убьёт ещё и ограбит. Нет, кружка чая и будь здоров, иди себе, откуда пришёл.

«Наверное, понравился», – подумал я, а там кто её знает. Точно понравился, об этом говорили её глаза. Да и я когда-то нравился самому себе, но когда это оценивает женщина, приятно вдвойне. Но к моему удивлению, Марина лишь сказала:

– Садись за стол, сейчас покушаем.

В голубой рубашке, чёрных брюках, на босу ногу (или у неё нет носков, или забыла про них) я сел за стол. Когда она села напротив меня, я заметил, её глаза были грустны. Не понял, что случилось, я чем-то обидел? Да я вообще молчал.

– Что случилось, Марина, чем я тебя обидел?

– Всё в порядке, – она подумала о чём-то, потом встала из-за стола, открыла холодильник.

Достала оттуда бутылку с водкой, и вновь села за стол:

– Давай-ка, Ваня, мы с тобой выпьем чуть-чуть.

– Марина, я не пью. Что случилось, ты можешь сказать?

– Да ладно, все вы не пьёте, а спите под заборами, в парках, под деревьями, – она оставила мой вопрос без ответа.

– Марина, я не все, я не пью.

– Хотелось бы верить, что так оно и есть.

– Ну а всё же, со мной за компанию чуть-чуть, сама я не буду, не могу.

Ну что поделаешь, надо уважить:

– Хорошо, но только немножко, за твоё здоровье.

Выпили и стали закусывать. Видно было, что Марина тоже была голодна, не говорю уже о себе. Через некоторое время Марина посмотрела на меня:

– Ты обещал рассказать о себе.

Ну, обещал, так обещал. В течение получаса я рассказывал ей историю, которую вы уже знаете, так что нет смысла тратить время. Всё это время Марина слушала внимательно,

не перебивая каким-то вопросом. Правда, за всё это время она налила себе ещё пятьдесят граммов водки. Я отказался. Думаете, так не бывает. Бывает, бывает, поверьте мне. Когда я закончил свой рассказ, Марина встала и только сейчас заметила, что я без носков:

– Ой, как же я забыла про носки? Подожди, я сейчас. Что же ты молчал-то?

Она вышла и через минуту вернулась:

– Вот, возьми.

Она опять села. Подождала, пока я надел носки, потом заговорила:

– Иван, не знаю, зачем мне это надо было, не знаю, правда ли всё то, что ты мне сейчас рассказал, но хочется верить, что так и было. Ну а нет, не моё это дело. А ты почему не спрашиваешь, почему я одна, без мужа? Ты ведь догадался, что я одна живу?

– Марина, мы ведь едва знакомы, какое я имею право вмешиваться в твою жизнь? Если ты такая молодая и красивая и без мужа, значит, на то есть причины. Я, правда, заметил, что в доме отсутствуют мужские вещи, но ведь это не моё дело. Захочешь, сама расскажешь.

– Расскажу, Ваня, расскажу, хоть мы и едва знакомы, но я чувствую, ты не плохой парень. Знаешь, иногда так хочется кому-то поплакаться, душу излить, так хочется, чтоб кто-то посочувствовал, утешил.

– Марина, я готов хоть до утра сидеть здесь у тебя, если

только ты не хочешь отдыхать. Ведь поздно уже и мне, наверное, пора.

Марина посмотрела на меня. Грустными глазами посмотрела:

– Давай-ка мы с тобой кофейку ещё выпьем. Посиди, всё равно тебе некуда идти. Мне почему-то кажется, что ты рассказал про себя правду, тебе тоже несладко жилось. Погоди, я сейчас.

Она поставила чайник и, когда кофе был готов, опять села напротив меня:

– Да, Ваня, как у всех женщин, или почти как у всех, в моём возрасте у меня тоже был муж, которого я очень любила, и тоже смерть его у меня забрала. Он в милиции работал. Его убили бандиты, десять лет тому назад.

Марина рассказывала о своей жизни, и когда в её рассказе появлялись счастливые моменты, она казалась самой счастливой женщиной на всём белом свете. Видно было, что она тоже очень любила своего мужа и была когда-то счастлива. Но, как это часто бывает, жизнь вносит свои коррективы.

– Мы прожили короткую, но счастливую жизнь, – продолжал я слушать её, – и даже планировали взять ребёнка из детдома, когда я узнала, что не смогу иметь детей. Нет, муж не бросил меня, не ушёл. Он очень любил меня. А дети... нет, так нет.

Марина налила ещё водки... себе. Мне даже не предложила. Я сказал один раз нет, а второй она упрашивать не ста-

ла. И правильно сделала. Я себя знаю, если заводжусь, потом трудно остановиться, поэтому лучше не начинать. Ну а Марину можно было понять, она вспомнила годы, когда она была счастлива, у неё был любимый муж, которого провожала и ждала с работы. Муж, с которым спала, в конце концов. Вот, ещё одна жертва обстоятельств. И некому даже пожалеть её. А, может, есть?

– Ты извини, Марина, что из-за меня тебе пришлось прошлое вспоминать. Пойду я, наверное, поздно уже, да и тебе отдыхать пора, – я поднялся, – спасибо тебе за всё, пора и честь знать, рад был познакомиться.

Я встал и направился к обуви, которая находилась возле двери. Взял в руки пакет со старыми вещами. Когда я уже взялся свободной рукой за ручку двери, чтобы открыть её, Марина остановила меня:

– Иван, ну куда ты сейчас пойдёшь? Через три часа светает. Пойдёшь спать под кустами или куда там ещё? Оставайся, отдохнёшь в комнате, где у меня ремонт. Правда кровати нет, постелю на полу, но согласишься это лучше, чем на улице или в подвале. Не бойся, приставать не буду, – сказала она и улыбнулась.

Я сразу же ответил, не задумываясь:

– Да, я согласен, Марина, только что скажут соседи, если увидят, когда я буду уходить?

Лицо её опять стало грустным.

– Да ну их всех, кому какое дело как я живу, почему я

должна перед кем-то отчитываться. Я сама себе хозяйка, своей жизни, больше никого не должно волновать, как хочу, так и живу, и ни у кого нет права вмешиваться в мою жизнь, — закончила она свой монолог, потом продолжила, — давай, снимай обувь, я сейчас.

Она ушла в свою комнату и вскоре вернулась:

— Вот, ляжешь на полу, — она протянула мне две простыни и одеяло (не новое, конечно, но чистое).

Секунд пять она смотрела на меня, потом пожелала спокойной ночи (которая уже заканчивалась) и ушла к себе. Я услышал, как она закрыла дверь в своей комнате. Наверное, боялась, что я пойду к ней. Ну, это вполне понятно, чужой мужчина в квартире. Я тоже приготовил свою постель, постелил одеяло, потом простынь (одну), второй накрылся. Одно время не мог заснуть, приятно было лежать вот так: в тепле, на всём чистом, пусть и не мягком. Не на улице же или в подвале. Вот так и должны жить люди. Но, видно не всем дано. Вот один из них я. И винить некого, если только водку. Но ведь и её никто насильно в рот не наливал. Так что винить надо только себя и не искать виновных на стороне. И никто руки не подаст, если сам не встанешь. А может попробовать подняться с помощью Марины. Вроде хорошая женщина. А что если попросить помочь устроиться на работу. На любую, лишь бы зарплату получать. А с деньгами в кармане многого можно добиться, снять комнату, например. Надо будет поговорить утром с ней. Не помню, о чём я ещё думал, потому

что заснул. А когда проснулся, солнце было уже высоко, я думаю, время было около часу дня или около того. Прислушался, на кухне возилась, Марина (а кто же ещё).

Я вышел из комнаты:

– Доброе утро, – здороваюсь.

– Доброе, только не утро, – Марина посмотрела на меня и улыбнулась, – уже двенадцать часов дня.

– Марина, можно я умоюсь?

– Что значит можно? Нужно.

Мне понадобилось около пяти минут, чтобы привести себя в порядок:

– Садись, пообедаем, – Марина накрывала на стол.

Признаться честно, есть хотелось.

– Давай немножко перекусим, потом кофейку выпьем.

– А ты почему не ешь? – спросил я её, когда она села за стол напротив меня.

– Я не хочу, фигуру берегу, – ответила и посмотрела на меня, – может кому-нибудь и понравлюсь.

Я воспринял её слова по-своему, но виду не подал. Что могут значить эти слова? К чему она клонит? Да нет, ничего они не значат, что за дурные мысли лезут тебе в голову, Иван? А может, пусть лезут, им там тоже место найдётся. А пока поставили перед тобой еду, ешь, давай – ругал я самого себя. Когда с едой было покончено, и я взял в руки кружку, Марина сделала себе чай. Ещё я заметил, что Марина о чём-то думает. Я пил свой кофе и ждал, когда она скажет что-

нибудь, мне сказать было нечего.

Длилось наше молчание минут десять. Опустошив кружку и поставив на стол, я поблагодарил Марину за всё и, не дожидаясь пока она скажет, сказал:

– Всё, Марина, наверное, мне пора, – встал и направился к двери.

Там же находилась и обувь, теперь уже моя. Взявшись за ручку двери, я всё ещё никак не решался заговорить с ней и в последний момент решил, если не сейчас то, другого случая не будет. И потом, за спрос же не бьют:

– Марина, – я посмотрел ей в глаза, – хочу тебя попросить. Помоги устроиться где-нибудь на работу. Я водитель, но мне бы любую: хоть грузчиком, хоть дворником, хоть на стройке, лишь бы работа была. Может, у тебя есть знакомые, кто может предложить что-нибудь. Помоги, Марина. Хочу заработать хоть немножко, чтобы можно было снять где-нибудь комнату, зима на носу, на улице спать уже холодно. Помоги, мне надо опять встать на ноги, почувствовать себя человеком.

А может, действительно, помочь ему, может он правду говорит, и стоит помочь ему снова почувствовать себя человеком. А там глядишь... а что, мужик, вроде, не плохой. Пусть поживёт пока, а там посмотрим, торопиться не будем. Может, я ему и не нравлюсь, а может и не нужна. Она недолго думала:

– Ваня, – Марина подошла, взяла мои руки своими, – работу я тебе найду, а вот жильё... у меня жить тебя не устраивает?

Я оказался настолько близко к Марине, что казалось, я слышу стук её сердца. Наши лица оказались очень близко друг от друга. И губы на том же расстоянии (а где же они должны были находиться). Мы оба одновременно покраснели. Ну, скажите, как я должен был поступить в такой ситуации? Мужчина я или нет? Максимум что мне грозило, это получить оплеуху и потом, конечно же, быть выгнанным с позором. А что я теряю, всё равно уже собирался уходить. И я решился. Нежно обнял её и поцеловал... в лоб. И поняв, что мне пока ничего не грозит, поцеловал кончик носа. Марина закрыла глаза в ожидании продолжения моих поцелуев. О сопротивлении и речи быть не было.

« Смелей, Ваня», – сказал я себе.

Я прижал Марину к себе и поцеловал. Она тоже прижалась ко мне, обвила своими руками мою шею. Целовались мы непрофессионально, но долго. Забыл я, как надо целоваться, да и Марина, наверное, тоже. Но мы поняли друг друга. Наконец, я выпустил Марину и сказал:

– Да нет, Марина, мне очень хорошо у тебя, но я не посмел спросить, мы ведь едва знакомы. Но раз ты сама предложила, то я вечером приду, обязательно приду.

Мне показалось, что она сейчас заплачет. Да что такое,

что я не то сделал или не так? Но дальнейшие её действия рассеяли все мои подозрения. Марина опять взяла мою голову в свои руки и уже сама поцеловала меня. Оплеухи от меня она не дождалась. О Боже, как они сладки, как они приятны эти женские губы, как они притягательны. Я опять прижал Марину к своей груди (теперь я действовал уже смелее). Я почувствовал прикосновение её груди. Люди добрые, вы не представляете, что почувствовал в тот момент я. Спустя некоторое время стал оправдываться:

– А я боялся, что если посмею тебя поцеловать, то выгоишь, и я больше тебя не увижу.

– Дурачок, ты что думаешь женщина не человек?

Мы стояли молча, обнявшись, и не знали, что делать дальше и что сказать. Просто смотрели друг на друга. Но рано или поздно надо было что-то делать, не стоять же так до вечера. О чём Марина думала, не знаю, а о чём думал я, вам не скажу. Я отпустил Марину взял её руки:

– Хорошо, Марина, если на то пошло, я пройду по городу, мне надо побыть одному, а вечером вернусь.

– Ладно, иди. Я сейчас тоже в город пойду по своим делам, заодно и работу тебе подыщу. Всё, до вечера.

Я ещё раз поцеловал Марину, вышел на улицу и сразу направился к автовокзалу. Почему? Я хотел там спросить у водителей маршруток, автобусов насчёт работы, я же всё-таки водитель. Ну не только Марине же заботиться обо мне. Шагая в сторону автовокзала, задумался. Марина предложила

пожить у неё, накормила, одежду дала. Благодаря ей вновь почувствовал себя человеком. Даже не верится, что всё это происходит со мной, так неожиданно всё произошло. Всего сутки прошли, и я уже не бомж. Ещё бы на работу устроиться, и тогда всё было бы... в порядке. И Марине, кажется, понравился. Да нет, не кажется, точно. Она ведь тоже меня поцеловала. Как она на меня глядела, когда я вышел из душа, чисто одетым, в другом облике. Скорее всего, вспомнила своего мужа. Я, конечно, его не знал, даже фотографию его не видел, но, думаю, похож на него. И надел его вещи. Оно и понятно, столько лет без мужика. Понравился я ей, чужого человека не выгнала ночью на улицу, спать разрешила в своей квартире. А что, может завтра-послезавтра пустит к себе в постель. А может мне самому надо действовать смелей. Стой, Иван, успокойся, не всё сразу. Ладно, поживём, увидим.

Через полчаса я уже был на вокзале и сразу же подошёл к ближайшему автобусу, водитель которого курил тут же, возле водительской двери:

– Привет, командир. Спросить можно?

– Без денег не возьму, – не выслушав меня до конца, ответил он (наглец).

– Да нет, я по другому поводу. Тут такое дело, я работу ищу, мне ехать никуда не надо, водитель я.

Недолго думая, он ответил:

– Не знаю, брат, давай я тебе дам номер телефона своего

шефа, позвони ему.

Взял я у него бумажку с номером и, попрощавшись, подошёл к другому автобусу, воле которого стояли четверо мужчин. Все они были водителями автобусов, маршруток (это я понял по их разговору, они горячо обсуждали какие-то технические неисправности). Поздоровавшись, я задал им тот же вопрос, что и первому водителю. Ответили они мне тем же, бумажка с номером телефона, но уже другим (конечно же, другая организация).

Ну всё, похоже, здесь мне больше ничего не светит. У меня было ещё два варианта попытаться устроиться по своей профессии – скорая помощь и такси. Поэтому я решил сначала попытать счастья у Республиканского госпиталя. Время было послеобеденное, стояла невыносимая жара. Купил в киоске бутылку воды, есть не очень-то хотелось. И сигареты купил. Сколько раз собирался бросить, никак не мог избавиться от этой пагубной привычки. Пить вот бросил, а курить, ну никак. Вот так, попивая воду и дымя сигаретой, через двадцать минут я был на месте. С правой стороны госпиталя, там, куда привозят больных, стояли три машины скорой помощи, скорее всего, ждали своей очереди на выезд за очередным больным, которого нужно привезти сюда и спасти от смерти. Вот к этим машинам и подошёл. Водители стояли возле одной из машин.

– Ребята, здравствуйте. Спросить хочу, вам водители не нужны? – спросил я сразу.

Один из мужиков, годами старше остальных, посмотрел на меня снизу вверх и ответил:

– Да водители-то нужны, только у нас мало быть водителем, нужно ещё и город знать хорошо. Ты местный или приезжий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.